

Человеческий потенциал населения Республики Бурятия: уровень и динамика развития в муниципальном разрезе¹

Ю.Г. БЮРАЕВА, доктор социологических наук
E-mail: julbur@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7307-8309
Отдел региональных экономических исследований
Бурятского научного центра СО РАН, Улан-Удэ

Аннотация. Статья посвящена исследованию динамики человеческого потенциала Республики Бурятия в разрезе муниципальных образований. В его состав включены компоненты здоровья, образования, благосостояния, а также демографическая и социально-культурная. Оценка данных с 2015 по 2020 гг. произведена индексным методом с использованием альтернативных показателей. На ее основе проведена типологизация муниципалитетов по уровню развития человеческого потенциала и соотношению его составляющих, определены факторы, влияющие на их развитие. Выявлены тенденции к сохранению территориальной неоднородности человеческого потенциала и усилению значимости компонент здоровья и образования за счет снижения веса остальных составляющих.

Ключевые слова: человеческий потенциал; нормированные индексы; здоровье; образование; демографическая компонента; благосостояние; социально-культурная активность; муниципальное образование; Республика Бурятия

Постановка проблемы

В российской практике сложилось понимание человеческого потенциала и как цели, и как способа достижения социально-экономического прогресса [Соболева, 2007]. На всех уровнях государственного управления в качестве стратегической цели развития декларируется создание благоприятных условий для формирования и функционирования человеческого потенциала. Он лежит в основе конкурентоспособности экономики, от него зависят дальнейшие перспективы страны.

---

¹Статья подготовлена в рамках госзадания № 121030500092-7 (проект «Разработка методологии обоснования направлений стратегического развития депрессивного региона в условиях эколого-экономических ограничений»).

В России в силу ее территориального размаха значительна межрегиональная дифференциация. Несмотря на провозглашенную в Стратегии пространственного развития РФ цель по сокращению различий в уровне и качестве жизни населения, между регионами сохраняется четырехкратный разрыв по качеству жизни², и почти восьмикратный по социально-экономическому положению³, что замедляет развитие страны. Более того, внутрирегиональная неоднородность также весьма существенна, поскольку площадь некоторых регионов РФ превосходит отдельные государства. Это актуализирует необходимость оценки человеческого потенциала на субрегиональном уровне. Четкие представления о качественных характеристиках населения в разрезе муниципальных образований (МО) позволят разработать меры по повышению эффективности стратегии регионального развития с учетом интересов муниципалитетов, снижению неравенства между ними.

Методика оценки человеческого потенциала на муниципальном уровне

Базовый подход к оценке человеческого потенциала, разработанный в рамках Программы развития ООН для межстрановых сравнений, доработан российскими исследователями при построении региональных оценок. Так, в статье Н. М. Римашевской с коллегами в дополнение к базовым составляющим индекса человеческого развития предлагается демографическая компонента, использование которой в межстрановом аспекте затруднено ввиду различных режимов популяционного воспроизводства [Римашевская и др., 2013]. В более поздних работах сотрудников ИСЭПН РАН при сопоставлении субъектов РФ основное внимание уделяется качественным характеристикам человеческого потенциала без учета ресурсных аспектов [Мигранова, Токсанбаева, 2018]. В связи с актуализацией проблемы качества окружающей среды некоторые исследователи корректируют индекс человеческого развития с учетом экологического фактора [Рюмина, 2020].

---

² Рейтинг регионов по качеству жизни – 2021 [Эл. ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html> (дата обращения: 03.05.2022).

³ Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2021 [Эл. ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html> (дата обращения: 03.05.2022).

На субрегиональном уровне использование рассмотренных подходов в чистом виде затруднено из-за ограниченности муниципальной статистики, поэтому для оценки человеческого потенциала муниципальных образований необходима разработка альтернативных показателей, характеризующих его основные компоненты.

Бурятия демонстрирует высокую степень социальной неоднородности в силу обширности территории (2,05% РФ, 14-е место в стране) и большого количества муниципальных образований (23). Цель данной статьи – сравнительная оценка муниципалитетов республики по динамике человеческого потенциала в 2015–2020 гг. и их типологизация по уровню развития этого показателя и соотношению его составляющих. Информационной базой исследования послужили данные Бурятстата⁴, материалы республиканских Медицинского информационно-аналитического центра⁵ и Министерства внутренних дел⁶.

С учетом имеющихся разработок и статистических данных, а также в стремлении оценить возможности развития качественных характеристик через доступ к определенным благам, в число составляющих человеческого потенциала на муниципальном уровне были включены демографическая и социально-культурная компоненты. Полный перечень показателей представлен в таблице 1.

Таблица 1. Показатели измерения человеческого потенциала муниципальных образований Республики Бурятия

Показатель	Единица измерения
Демографическая составляющая	
Коэффициент общего прироста/убыли населения	На 1000 чел. населения
Здоровье	
Число случаев первичного выхода на инвалидность	На 1000 чел. населения
Число случаев заболеваний с впервые установленным диагнозом	На 1000 чел. населения
Коэффициент младенческой смертности	На 1000 чел. населения

⁴ Население [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/people> (дата обращения: 12.03.2022); Районы Республики Бурятия. Ст. сб. Улан-Удэ: Бурятстат, 2021. 101 с.

⁵ Данные предоставлены по официальному запросу от 07.10.2021 г. № 1028.

⁶ Отчеты начальников территориальных органов внутренних дел [Эл. ресурс]. URL: https://03.xn--blaew.xn--plai/Dejatelnost/dej/05/Otcheti_nachalnikov_territorialnih_organ (дата обращения: 16.03.2022).

Показатель	Единица измерения
Образование	
Распределение населения старше 15 лет по уровню образования	% от общей численности населения старше 15 лет
Охват дошкольным образованием населения 1–6 лет	% от численности населения в возрасте 1–6 лет
Охват общим образованием населения 7–17 лет	% от численности населения в возрасте 7–17 лет
Благосостояние	
Объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения	На 1 жителя муниципального образования
Социально-культурная составляющая	
Библиотечный фонд общедоступных библиотек	На 1000 чел. населения
Число зарегистрированных преступлений	На 10 000 чел. населения

Для построения интегральной оценки человеческого потенциала муниципальных образований республики статистические показатели были преобразованы в частные нормированные индексы, у многосоставных компонент для этих индексов были рассчитаны среднеарифметические. Интегральный индекс определялся как среднеарифметическое значение частных нормированных индексов.

Расчет частных индексов проводился на основе метода линейного масштабирования, обычно используемого для оценки социальных показателей. С его помощью определяется расположение показателя между референтными точками (максимальным и минимальным значениями индикатора).

В случае положительной связи показателя с качеством жизни для расчета частного индекса использовалась формула 1:

$$I_i = (X_i - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min}), \quad (1)$$

при отрицательной связи применялась формула 2:

$$I_i = (X_{\max} - X_i) / (X_{\max} - X_{\min}), \quad (2)$$

где i – номер региона; X_i – значение параметра для i -го региона; $X_{\max}$ и $X_{\min}$ – максимальное и минимальное значения показателей; I_i – нормированный индекс показателя i .

Для типологизации муниципальных образований по уровню развития человеческого потенциала и его составляющих использован принцип, предложенный сотрудниками ИСЭПН РАН в отношении регионов РФ [Мигранова, Токсанбаева, 2018]. Так, было выделено три типа муниципалитетов: 1) с относительно высоким уровнем развития (значение индекса выше среднереспубликанского),

2) со средним уровнем (в диапазоне между среднереспубликанским и медианным значениями), 3) с развитием ниже среднего (индекс меньше медианы).

Демографическая компонента

Демографическая компонента человеческого потенциала отражает способность населения территории к воспроизводству. Динамика численности населения зависит от процессов естественного движения, а также миграционных потоков, обуславливающих количественные колебания и качественные изменения структуры населения.

В Республике Бурятия в течение 1990–1999 гг. рождаемость непрерывно снижалась на фоне роста смертности, в 1999 г. отмечено наименьшее число рождений пореформенного периода (11468 чел.). Затем в результате улучшения социально-экономических условий, а с 2007 г. – благодаря реализации программы материнского капитала – наблюдался рост рождаемости и уменьшение смертности [Бюраева, 2019].

В 2015–2020 гг. отмечается значительное снижение *уровня рождаемости* (–25,4%) на фоне роста уровня смертности начиная с 2018 г. (5,3% с 2015 по 2020 гг.)⁷. В 2021 г. данные процессы продолжились (–4,7% и 14,2% к 2020 г.), что свидетельствует о формировании устойчивой тенденции снижения естественного прироста населения. Тому можно назвать ряд причин: достижение детородного возраста поколением предыдущего демографического провала, эмиграция молодых людей фертильного возраста, откладывание рождения детей, негативные последствия коронавирусной инфекции, ухудшение социально-экономической обстановки. Начиная с 2017 г. население республики в целом перестало воспроизводить себя (суммарный коэффициент рождаемости менее 2,1 рождений на одну женщину репродуктивного возраста), и эта тенденция может оказаться устойчивой, так как в последнее время из-за пандемии, падения реальных доходов, спецоперации на Украине наблюдается общая неуверенность людей в будущем.

Общий коэффициент рождаемости за исследуемый период уменьшился во всех муниципалитетах Бурятии. Если в 2015 г. 17 МО характеризовались средним уровнем рождаемости

---

⁷ Рождаемость, смертность и естественный прирост [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 22.03.2022).

(16,2–22,6‰), и лишь в северных и с превалярованием русского населения районах наблюдался низкий уровень (12,2–15,6‰), то в 2020 г. ситуация кардинально ухудшилась. Только 4 района с преобладанием коренного населения с более высокими репродуктивными установками сохранили средний уровень рождаемости (16,3–17,1‰). В 19 МО этот показатель опустился до низких значений (8,8–14,9‰). Максимальные внутрирегиональные различия по коэффициенту рождаемости остались на прежнем уровне и составляют 1,9 раза (табл. 2).

Таблица 2. Распределение МО Республики Бурятия по показателям движения населения в 2020 г., % и рангу величины общего прироста в 2015 г. и 2020 г.

Муниципальное образование	Коэф. рожд-ти	Коэф-т смер-ти	Коэф-т миграц. прироста	Коэф-т общ. прироста *	Ранг МО	
					2015	2020
РБ	12,9	12,0	-1,4	-0,5		
МО с приростом населения						
Иволгинский р.	14,9	6,4	34,9	43,4	1	1
Тарбагатайский р.	13,7	10,9	32,0	34,8	2	2
Тункинский р.	14,0	15,5	7,2	5,7	16	3
Северобайкальск	9,8	11,1	6,8	5,5	9	4
Заиграевский р.	13,8	13,7	2,2	2,3	4	5
Окинский р.	16,7	8,6	-5,9	2,2	5	6
Кяхтинский р.	14,1	11,6	-0,7	1,8	15	7
МО с убылью населения						
Селенгинский р.	13,4	12,1	-4,3	-3,0	10	8
Улан-Удэ	12,1	10,6	-5,1	-3,6	3	9
Курумканский р.	12,7	13,6	-2,9	-3,8	13	10
Кабанский р.	10,4	16,2	1,6	-4,2	12	11
Прибайкальский р.	12,9	14,9	-4,1	-6,1	6	12
Муйский р.	9,0	10,3	-5,3	-6,6	23	13
Мухоршибирский р.	13,8	15,6	-5,1	-6,9	14	14
Еравнинский р.	12,8	10,1	-11,2	-8,5	18	15
Баргузинский р.	13,3	15,9	-6,1	-8,7	7	16
Бичурский р.	13,6	16,3	-6,6	-9,3	17	17
Хоринский р.	14,3	14,0	-11,2	-10,9	11	18
Закаменский р.	16,7	15,9	-13,2	-12,4	19	19
Кижингинский р.	17,1	16,4	-13,6	-12,9	20	20
Баунтовский эвенкинский р.	13,7	15,3	-13,0	-14,6	8	21
Джидинский р.	16,3	14,6	-17,4	-15,7	22	22
Северо-Байкальский р.	8,8	12,9	-18,1	-22,2	21	23

Примечание. * Включает естественный и миграционный прирост населения в 2020 г.

Источник табл. 2–4, 6, 7: расчеты автора.

Уровень смертности в исследуемый период вырос в 18 МО. В результате численность муниципалитетов с высоким уровнем смертности увеличилась с 2 до 8, а в низком – сократилась с 4 до 2. Группа со средней смертностью включает 13 МО, в том числе два города, которые прежде были в группе с низким показателем. Наиболее благополучными по этому критерию выглядят Окинский и Иволгинский районы, самая тяжелая ситуация – в Кабанском, Бичурском, Кижингинском районах, что скорее всего связано с возрастной структурой населения. Дифференциация территорий по уровню смертности увеличилась с 2 до 2,6 раза.

Падение рождаемости и рост смертности привели к спаду естественного прироста во всех муниципальных образованиях. Более того, в Кабанском и Северо-Байкальском районах продолжились, а в ряде районов начались процессы депопуляции населения. В 2020 г. почти в половине муниципалитетов Бурятии (11) наблюдалась естественная убыль населения. Коэффициент естественного прироста варьировался от $-5,8$ до $8,5\%$ ($-1,9$ – $14,5\%$ в 2015 г.). В целом республику можно характеризовать как регион с незначительным естественным приростом на фоне низкого уровня рождаемости и среднего уровня смертности.

Миграционный приток положительно влияет на демографический потенциал, а *отток*, напротив, негативно. Так, механическое движение населения республики в постреформенный период имело строго отрицательный тренд, за исключением трех лет, когда наблюдался незначительный миграционный прирост (1994, 1995 и 2019 гг.). Сальдо миграции колебалось в диапазоне от $-0,5$ до $-4,8\%$ ⁸. Миграционный прирост 2019 г. (1 тыс. чел.) может рассматриваться лишь как эпизод, поскольку осуществлялся за счет притока иностранной рабочей силы из Китая и стран СНГ при сохранении отрицательного сальдо межрегиональной миграции [Бюраева, 2022].

В 2015 г. в среднем по республике коэффициент миграционной убыли составлял $-2,0\%$. Миграционный приток наблюдался только в столице и трех прилегающих к ней районах (Иволгинском, Тарбагатайском и Заиграевском). В остальных муниципалитетах

---

⁸ Рассчитано по: Общие итоги миграции населения Республики Бурятия [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo#> (дата обращения: 25.03.2022).

этот коэффициент был ниже среднего уровня. Коэффициент миграционного прироста колебался в пределах от $-34,5$ до $55,3\%$.

В 2020 г. под влиянием пандемии коронавируса и введения карантинных мер произошло повсеместное снижение уровня миграционной подвижности, включающей все перемещения населения, по сравнению с 2015 г. В то же время в республике наблюдаемый спад менее значителен ($-8,8\%$), чем в РФ в целом ($-11,1\%$). Коэффициент миграционной убыли в свою очередь понизился до $-1,4\%$, а число муниципалитетов с положительным сальдо миграции увеличилось до шести (см. табл. 2). К трем прилегающим к столице районам добавились Северобайкальский, Тункинский и Кабанский районы. В то же время в Баргузинском, Баунтовском, Прибайкальском районах произошел рост уровня миграционного оттока, а в Улан-Удэ положительное сальдо миграции сменилось на отрицательное. Наибольший отток населения все эти годы испытывают Джидинский и Северо-Байкальский районы.

В среднем около 60% миграционного оттока из периферийных территорий республики поглощается прилегающими к столице районами и отчасти самим Улан-Удэ, население которого в свою очередь мигрирует за пределы региона, несмотря на отсутствие реальных привлекающих факторов [Бреславский, 2017; Бюраева, 2022]. В связи с притоком населения территории-реципиенты испытывают сильные нагрузки, но очевидно, что на территориях отъезда ситуация гораздо хуже. Негативные следствия отрицательной миграции затрагивают все стороны жизни муниципальных образований: уезжают наиболее молодые и активные жители, закрываются объекты социальной инфраструктуры, ухудшается качество среды и, как результат, идет провоцирование следующего витка миграции.

Оценка *изменения численности населения* основана на показателях естественного и миграционного прироста. В Бурятии в целом миграционные передвижения оказывают более значительное влияние на изменение численности населения большинства муниципалитетов, чем процессы естественного воспроизводства.

Несмотря на общий прирост численности населения республики в 2015 г. ($3,9\%$), только в 4 МО наблюдалась положительная динамика (Улан-Удэ и три прилегающих к нему района). В остальных зафиксирован отрицательный прирост, при этом

в 9 МО убыль населения превышала 10%, из них в четырех – более 20% (Кижингинский, Северо-Байкальский, Джидинский, Муйский районы). В целом коэффициент общего прироста варьировался от –29,6% в Муйском районе до 66,3% в Иволгинском.

В 2020 г. произошла убыль населения республики, составившая 0,5%. В семи муниципалитетах отмечена положительная динамика, в пяти из них население в основном росло благодаря миграционному притоку. Привлекательные в миграционном отношении пристоличные районы демонстрируют и естественный прирост, что свидетельствует о наличии «эффекта здорового мигранта», когда приток переселенцев обеспечивает увеличение рождаемости, омоложение населения и снижение смертности. Остальные 16 МО теряли население преимущественно за счет миграционного оттока, а районы с преобладанием русского населения – в результате еще и естественного движения. В шести МО с убылью населения снижение составило более 10%, в одном из них – более 20%. Колебания коэффициента общего прироста происходили в диапазоне от 22,8% в Северо-Байкальском до 43,4% в Иволгинском районе (см. табл. 2).

Таким образом, на муниципальном уровне зафиксированы разновекторные процессы изменения численности населения различной интенсивности. Наиболее положительное демографическое развитие в динамике наблюдается в Иволгинском и Тарбагатайском районах, обратная ситуация – в Джидинском и Северо-Байкальском.

Здоровье населения

Данная компонента человеческого потенциала рассматривается с позиции возможности населения поддерживать собственное здоровье на приемлемом уровне. Она оценивается с учетом ожидаемой продолжительности жизни при рождении, составляющей 70,3 года, что на 1,2 года меньше, чем в среднем по стране и соответствует 56-му месту среди регионов РФ⁹. Этот показатель рассчитывается на регион в целом, поэтому для оценки здоровья населения в разрезе муниципалитетов использованы

---

⁹ Продолжительность жизни при рождении по регионам России [Эл. ресурс]. URL http://www.statdata.ru/spg_reg_rf (дата обращения: 05.05.2022).

три «косвенных» индикатора, отражаемые муниципальной статистикой: младенческая смертность, первичная инвалидизация и общая заболеваемость населения.

В практике здравоохранения коэффициент *младенческой смертности*¹⁰ является одним из основных показателей, свидетельствующих об условиях жизни и здоровья населения и уровне развития медицины определенной территории [Валеева, 2016].

В 2020 г. по сравнению с 2015 г. произошло снижение уровня младенческой смертности (-21,1%). При этом в разрезе муниципальных образований данный показатель значительно колеблется (от 0 до 13,2‰ в 2020 г.) (табл. 3). Тем не менее относительно 2015 г. в 16 МО ситуация улучшилась, наиболее значительно – в Бичурском районе. К сравнительно благополучным можно отнести Курумканский, Северо-Байкальский, Тарбагатайский районы, а стабильно высокий уровень в исследуемый период наблюдается в г. Северобайкальске.

Общая заболеваемость населения оценивается по показателю числа случаев заболеваний с впервые установленным диагнозом на 1000 человек. Динамика этого индикатора по республике в целом характеризуется ежегодным приростом, темп которого с 2015 по 2020 гг. составил 8,8%.

Увеличение заболеваемости обусловлено как ростом доли пожилого населения, ухудшением условий и образа жизни (экология, качество питания, частые стрессы), так и более эффективной диагностикой заболеваний. В 2020 г. следует отметить негативное влияние COVID-19 на статистику заболеваемости.

На уровне муниципальных образований первичная общая заболеваемость также выросла с 2015 по 2020 гг. за исключением шести удаленных территорий с хорошей экологией. Особенно сильно она увеличилась в Кабанском районе. Также в группу аутсайдеров вошли Баунтовский, Хоринский, Курумканский районы и г. Улан-Удэ.

Различия между территориями по уровню первичной заболеваемости в 2020 г. усилились и составили 5,4 раза (3,4 раза в 2015 г.).

---

¹⁰ Количество детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 новорожденных за один год.

Таблица 3. Распределение МО Республики Бурятия по показателям индекса здоровья в 2020 г. и его рангу в 2015 г. и 2020 г., %

Муниципальное образование	Козф-т млад. смерт.	Козф-т общ. забол.	Козф-т инвал.	Индекс здоровья		Ранг	
				2015	2020	2015	2020
РБ	5,5	664,5	4,6	0,464	0,588		
МО с относительно высоким индексом здоровья							
Северо-Байкальский р.	0,0	244,2 [*]	3,6 [^]	0,723	0,939	2	1
Бичурский р.	0,0	398,2	4,0	0,442	0,859	12	2
Иволгинский р.	3,3	449,6	3,3	0,425	0,797	16	3
Курумканский р.	0	691,7	4,2	0,423	0,740	17	4
Еравнинский р.	4,7	610,3	2,8	0,476	0,727	10	5
Окинский р.	11,0	201,8	3,1	0,999	0,705	1	6
Кижингинский р.	4,1	659,7	3,6	0,332	0,681	21	7
Баргузинский р.	3,5	559,4	4,8	0,461	0,670	11	8
Закаменский р.	7,2	328,7	4,7	0,575	0,666	6	9
Северобайкальск	13,2	244,2 [*]	3,0 [^]	0,389	0,640	19	10
Прибайкальский р.	5,9	377,9	5,5	0,720	0,640	3	11
МО со средним индексом здоровья							
Селенгинский р.	3,6	548,5	5,8	0,439	0,616	13	12
Тункинский р.	7,1	630,3	3,6	0,309	0,614	22	13
Тарбагатайский р.	0	342,1	9,1	0,585	0,614	5	14
Заиграевский р.	9,9	472,3	3,6	0,638	0,605	4	15
Джидинский р.	7,9	500,0	4,6	0,438	0,591	14	16
МО с относительно низким индексом здоровья							
Улан-Удэ	4,5	798,5	5,0	0,415	0,543	18	17
Кяхтинский р.	11,6	528,8	3,8	0,518	0,529	8	18
Мухоршибирский р.	9,6	659,3	4,7	0,348	0,483	20	19
Хоринский р.	8,4	808,4	4,2	0,427	0,482	15	20
Кабанский р.	5,2	1084,0	4,5	0,502	0,447	9	21
Муйский р.	11,6	586,4	5,6	0,532	0,415	7	22
Баунтовский эвенкийский р.	8,7	982,0	4,8	0,209	0,376	23	23

Примечание. * Рассчитывается в целом по г. Северобайкальску и Северо-Байкальскому району.

Первичная инвалидизация оценивается по числу случаев первичного выхода на инвалидность на 1000 человек

населения. В целом по Республике Бурятия наблюдается позитивная динамика показателя: $-11,1\%$ в 2020 г. по сравнению с 2015 г., что может быть обусловлено помимо объективных причин (карантинные, профилактические мероприятия в 2020 г. и пр.), законодательным ужесточением требований к прозрачности медико-социальной экспертизы, препятствующих субъективному и коррупционному освидетельствованию.

В разрезе районов рост показателя произошел в 5 МО, при этом увеличилась межрайонная дифференциация по сравнению с 2015 г. (с 2,9 до 3,3 раза). Инвалидизация выше среднереспубликанского уровня имеет место в 9 МО.

Следует отметить улучшение общей ситуации со здоровьем сбережением населения за счет уменьшения младенческой смертности и инвалидизации, уровень последней оказал наибольшее влияние на совокупный индекс здоровья. Рост индекса здоровья в целом по республике происходит одновременно со снижением разброса между территориями с 4,8 до 2,5 раза.

Группа с относительно высоким индексом здоровья увеличилась на 1 МО при изменении половины состава. Значительно улучшили свои позиции Иволгинский, Кижингинский, Курумканский районы и г. Северобайкальск (последний смог изменить индекс с низкого до высокого). Индекс здоровья тройки лидеров характеризуется равноценно высокими значениями всех показателей. Группа муниципалитетов со средним уровнем здоровья увеличилась с 2 до 5 с полным обновлением состава. Группа аутсайдеров сократилась с 11 до 7, из которых Баунтовский, Хоринский, Мухоршибирский районы и г. Улан-Удэ остаются здесь с 2015 г., формируя костяк группы риска по индексу здоровья.

Образование населения

Данная компонента человеческого потенциала входит в число базовых категорий, определяющих развитие территории. Традиционно используемый для ее оценки показатель грамотности в нашей стране мало информативен. Например, Бурятия характеризуется 99,5% уровнем грамотности, вариация которого на муниципальном уровне незаметна. В этой связи для измерения качества образовательной компоненты чаще

применяют показатели, характеризующие долю населения с тем или иным уровнем образования. Так, большинство исследователей в РФ отдают предпочтение показателю «население в возрасте 15 лет и более с профессиональным образованием» [Ушакова и др., 2018].

В данной статье *образовательный уровень* населения МО оценивался с помощью балльного метода [Римашевская и др., 2013]. Ступеням образования были присвоены соответствующие баллы: послевузовское – 7 баллов; высшее – 6; среднее профессиональное и незаконченное высшее – 5; начальное профессиональное – 4; среднее общее – 3; основное общее – 2, начальное общее – 1 балл. С учетом доли населения от 15 лет и старше с определенной степенью образования и соответствующего ей балла был определен средний балл образования населения¹¹. Для его расчета из-за отсутствия текущей статистики по уровню образования в разрезе МО были использованы данные Всероссийской переписи населения-2010 (ВПН-2010), в связи с чем дополнительно были введены показатели охвата дошкольным и общим образованием населения 1–17 лет, характеризующие доступ к образовательным возможностям.

Республика Бурятия со средним баллом образования в 4,156, по данным ВПН-2010, занимала 34-е место в РФ. Однако практически во всех районах средний балл был ниже республиканского. Ожидаемо более высокий показатель имел место только у жителей городских округов и Иволгинского района, где выше удельный вес населения с высшим и средним профессиональным образованием (табл. 4). В целом, для территорий с превалированием городского населения характерен более высокий образовательный уровень, чем в сельской местности, что обусловлено как структурой рабочих мест и хозяйственной деятельности (на селе профессиональное образование менее востребовано), так и спецификой инфраструктуры образования в городе и селе. Дифференциация между муниципалитетами по среднему баллу образования наименьшая среди всех показателей человеческого потенциала и составляет 1,3 раза.

---

¹¹ Средний балл образования населения МО равен сумме произведений доли населения от 15 лет и старше с определенным уровнем образования и соответствующего ему балла, разделенной на 100 [Римашевская и др., 2013].

Таблица 4. Распределение МО Республики Бурятия по показателям индекса образования в 2020 г. и его рангу в 2015 г. и 2020 г.

Муниципальное образование	Средний балл образования	Охват дошкол. образ-м населения 1–16 лет, %	Охват общим обр-м населения 1–17 лет, %	Индекс образования		Ранг	
				2015	2020	2015	2020
РБ	4,156	65,3	90,5	0,589	0,649		
МО с относительно высоким индексом образования							
Улан-Удэ	4,588	71,5	100	0,830	0,926	1	1
Северобайкальск	4,403	77,2	85,2	0,762	0,763	2	2
Муйский р.	4,136	83,2	91,2	0,758	0,762	3	3
Закаменский р.	3,721	82,0	96,7	0,482	0,666	10	4
МО со средним индексом образования							
Тункинский р.	3,934	70,9	94,7	0,587	0,647	5	5
Кижингинский р.	3,761	79,2	93,9	0,424	0,640	13	6
Северо-Байкальский р.	3,967	75,7	79,4	0,689	0,577	4	7
Селенгинский р.	3,883	75,8	82,0	0,460	0,570	11	8
Баунтовский эвенкийский р.	3,769	79,1	83,5	0,557	0,566	6	9
Окинский р.	4,051	73,3	76,3	0,533	0,565	7	10
Прибайкальский р.	3,759	60,0	91,8	0,510	0,503	9	11
МО с относительно низким индексом образования							
Джидинский р.	3,766	66,9	83,9	0,389	0,492	15	12
Кабанский р.	3,907	57,8	80,3	0,517	0,451	8	13
Мухоршибирский р.	3,594	67,9	84,3	0,434	0,447	12	14
Иволгинский р.	4,292	38,6	80,1	0,242	0,447	21	15
Кяхтинский р.	3,804	58,0	82,4	0,411	0,435	14	16
Заиграевский р.	3,750	60,5	76,8	0,359	0,393	17	17
Курумканский р.	3,762	56,7	78,4	0,353	0,385	18	18
Хоринский р.	3,722	56,9	78,1	0,368	0,372	16	19
Еравнинский р.	3,714	53,4	81,1	0,293	0,368	20	20
Бичурский р.	3,511	57,9	74,2	0,237	0,284	22	21
Тарбагатайский р.	3,657	30,6	69,1	0,204	0,119	23	22
Баргузинский р.	3,576	45,1	58,9	0,345	0,112	19	23

Несмотря на продолжающиеся в системе образования реформы, направленные на повышения ее качества и доступности,

разные ее ступени имеют разную степень доступности. Так, несмотря на увеличение *охвата дошкольным образованием* (+17,9%) в результате строительства новых детских садов и снижения рождаемости, сохраняется дефицит мест в детских садах. В 2020 г. в целом по РБ зафиксирована 65,3% доступность дошкольного образования. Однако сохраняется значительная дифференциация данного показателя (2,9 раза в 2015 г., 2,7 – в 2020 г.), который в половине муниципалитетов меньше среднереспубликанского значения. Сильнее всего дефицит ощущается в густонаселенных районах, прилегающих к столице. Здесь количество мест в детсадах составляет только треть от потребности. Происходит отставание развития социальной инфраструктуры от масштаба миграционного перетока населения в пригороды Улан-Удэ.

В части *охвата детей общим образованием* ситуация более благоприятная. Разброс данного показателя по МО не такой большой (1,4 раза в 2015 г., 1,8 – в 2020 г.). В то же время происходит почти повсеместное снижение охвата (–6,5% в среднем по региону), в том числе в связи с увеличением числа детей, решивших завершить обучение в школе после 9-го класса. Ожидаемо наибольшее значение отмечается в столице региона, где школы традиционно переполнены.

За исследуемый период сводный *индекс образования* вырос в 18 МО и республике в целом, при усилении межмуниципальной дифференциации с 4,1 до 8,3 раза. Наибольшее влияние на этот комплексный показатель оказывает уровень охвата дошкольным образованием. К постоянным лидерам можно отнести городские округа и Муйский район. В 2020 г. в эту группу вошел Закаменский район, в то время как Тункинский и Северо-Байкальский районы перешли в среднюю группу. Группа с относительно низким индексом образования практически неизменна и состоит из половины муниципалитетов республики.

Благосостояние населения

Доходы населения здесь рассматриваются как оценка потенциальной доступности материальных благ и услуг и возможность иметь достойный уровень жизни. Для расчета индекса благосостояния были использованы показатели объема социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов на душу населения,

скорректированные с учетом районных коэффициентов¹², что позволяет в некоторой степени нивелировать разницу в стоимости жизни между территориями.

Размер среднедушевых доходов в республике в 2020 г. составил всего 72,3% от среднероссийского показателя¹³. В рейтинге регионов по этому критерию Бурятия стабильно находится в последней двадцатке – 68-е место по итогам 2020 г.¹⁴, что обусловлено высоким уровнем безработицы (10,5%) и низкой среднемесячной зарплатой по сравнению с ДФО и РФ в среднем (соответственно 69,3% и 81,4%)¹⁵. Пятая часть населения Бурятии находится за чертой бедности с доходами менее 1 МРОТ.

В разрезе муниципалитетов последние данные о благосостоянии населения представлены за 2019 г., в котором объем социальных выплат и денежных доходов на 1 жителя республики составил 15114 руб. в месяц с учетом районных коэффициентов. Максимальная разница между МО – 5,3 раза (5,5 раза в 2015 г.). Различия по уровню благосостояния населения обусловлены иждивенческой нагрузкой на занятых, разницей в размерах социальных выплат и заработной платы, зависящей от отраслевой структуры экономики муниципалитета, его поселенческого состава и состояния рынка труда.

В Бурятии по уровню доходов населения стабильно лидируют 7 МО с развитым рынком труда (городские округа) или присутствием добывающих предприятий на территории (табл. 5).

---

¹² Для МО Республики Бурятия согласно Закону Республики Бурятия от 09.03.2006 № 1525-III и Постановлению Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 30.06.1970 № 210/18 определены следующие районные коэффициенты: Баргузинский, Курумканский, Окинский районы – 1,3; Баунтовский, Муйский, Северо-Байкальский районы, г. Северобайкальск – 1,5 (как среднеарифметическое значение от коэффициента 1,7 для работников с оплатой из республиканского бюджета и коэффициента 1,3 для других категорий работников); остальная территория – 1,2.

¹³ Среднедушевые денежные доходы населения [Эл. ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁴ Рейтинг регионов по доходам населения [Эл. ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210706/630203876.html> (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁵ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике по субъектам Российской Федерации за 2000–2021 гг. [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 15.04.2022).

Таблица 5. Распределение МО Республики Бурятия по показателям индекса дохода 2019 г. и его рангу в 2015 г. и 2019 г.

Муниципальное образование	Соц. выплаты и денеж. душ. доходы, % к РБ	Темп прироста, 2015–2019, %	Индекс дохода		Ранг	
			2015	2019	2015	2019
РБ	15114 руб.	29,9	0,344	0,320		
МО с относительно высокими денежными доходами						
Муйский р.	223,0	34,0	1	1	1	1
Северо-Байкальский р.	198,0	42,2	0,800	0,862	2	2
Баунтовский эвенкийский р.	148,8	60,5	0,460	0,590	6	3
Улан-Удэ	148,5	34,6	0,588	0,588	4	4
Окинский р.	145,8	6,0	0,788	0,573	3	5
Северобайкальск	118,7	25,9	0,471	0,423	5	6
Мухоршибирский р.	100,9	36,2	0,323	0,325	7	7
МО со средними денежными доходами						
Закаменский р.	95,9	60,0	0,219	0,297	14	8
Баргузинский р.	81,3	29,1	0,241	0,216	10	9
Кабанский р.	79,8	16,0	0,284	0,208	8	10
Селенгинский р.	70,3	14,0	0,232	0,156	12	11
МО с низкими денежными доходами						
Курумканский р.	69,3	35,6	0,154	0,150	15	12
Прибайкальский р.	68,4	7,5	0,246	0,145	9	13
Хоринский р.	65,1	28,2	0,152	0,127	16	14
Заиграевский р.	64,7	3,3	0,239	0,124	11	15
Кижингинский р.	64,7	34,0	0,133	0,124	18	16
Тункинский р.	64,7	28,6	0,148	0,124	17	17
Бичурский р.	64,3	39,7	0,117	0,122	21	18
Кяхтинский р.	61,0	0,2	0,226	0,104	13	19
Еравнинский р.	58,4	26,0	0,119	0,090	20	20
Джидинский р.	56,2	17,7	0,129	0,077	19	21
Тарбагатайский р.	53,7	20,1	0,108	0,064	22	22
Иволгинский р.	42,2	40,3	0	0	23	23

Источник. Расчеты автора проведены с учетом районных коэффициентов по данным 2019 г. (ввиду отсутствия статистики за 2020 г.). Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований. Динамические ряды [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rWEo271R/urov_munst.html (дата обращения: 15.04.2022).

Численность группы муниципалитетов со средними доходами в 2020 г. по сравнению с 2015 г. изменилась: из нее вышел Прибайкальский район, чей рейтинг снизился на четыре позиции,

добавились Закаменский и Селенгинский районы – за счет роста уровня душевых доходов и социальных выплат.

Удручает большое количество МО (12) с низкими доходами населения. Благосостояние их жителей на 30% и более отстает от среднереспубликанского уровня. Это, как правило, территории с низким уровнем экономического развития, небольшими размерами оплаты труда и пенсий, преимущественно сельским населением. Характерной чертой является также высокая доля занятости в неформальном секторе экономики (особенно это касается пригородных Тарбагатайского и Иволгинского районов).

Социально-культурная составляющая

Данная компонента человеческого потенциала, как правило, оценивается посредством показателей культурной (посещаемость учреждений культуры) и общественно-политической активности (участие в выборах, партиях и других общественных организациях), асоциального поведения населения (число лиц, совершивших преступление; стоящих на учете по поводу алкоголизма, наркомании и токсикомании).

На муниципальном уровне проблема развития объектов культуры и досуга очень актуальна, за исключением Улан-Удэ, инфраструктура которого может лишь частично удовлетворить спрос жителей близлежащих районов. Музеи и объекты культурного наследия (кроме религиозных) остальной территории региона в большей степени ориентированы на туристов, чем на местных жителей. Поэтому, а также в связи с отсутствием статистики посещаемости культурных объектов местными жителями, *культурная составляющая* нами оценивалась через размер библиотечного фонда общедоступных библиотек на 1000 населения МО.

В целом по республике происходит постепенное снижение обеспеченности книгами, как в относительном, так и абсолютном выражении. Если в абсолютном выражении наблюдается уменьшение данного показателя в 11 МО, то в относительном – лишь в 7 муниципалитетах, что объясняется разницей в темпах сокращения численности населения (табл. 6). Самое заметное сокращение имеет место в Прибайкальском, Иволгинском и Тарбагатайском районах (в последних двух – за счет значительного увеличения численности населения, поскольку размер библиотечного фонда там вырос). Наиболее благоприятная

динамика зафиксирована в Баргузинском районе, а также Северобайкальске и Северо-Байкальском районе.

Таблица 6. Распределение МО Республики Бурятия по показателям социально-культурного индекса в 2020 г. и его рангу в 2015 г. и 2020 г.

Муниципальное образование	Библ. фонд, экз./ чел.	Темп прироста, 2015–2020 гг., %	Число преступлений на 10 тыс. нас.	Темп прироста, 2015–2020 гг., %	Социально-культурный индекс		Ранг	
					2015	2020	2015	2020
РБ	5,3	-1,5	209	-26,3	0,386	0,319		
МО с относительно высоким социально-культурным индексом								
Окинский р.	12,2	2,2	81	-33,9	0,981	0,945	1	1
Кижингинский р.	13,4	9,0	178	-9,6	0,876	0,757	2	2
Курумканский р.	10,2	5,1	142	-25,2	0,756	0,702	5	3
Закаменский р.	9,8	-2,9	141	-22,1	0,792	0,689	3	4
Баунтовский эвенкийский р.	13,0	11,0	207	-16,7	0,757	0,663	4	5
Джидинский р.	11,2	-0,5	181	-29,6	0,720	0,648	7	6
Бичурский р.	8,9	3,9	152	-41,0	0,588	0,622	9	7
Хоринский р.	11,1	5,6	199	-14,9	0,723	0,600	6	8
Тункинский р.	9,5	-0,5	198	-22,3	0,643	0,535	8	9
Кяхтинский р.	8,0	2,9	173	-36,9	0,520	0,528	11	10
Муйский р.	7,5	12,3	186	-32,7	0,460	0,472	13	11
МО со средним социально-культурным индексом								
Мухоршибирский р.	7,0	9,6	205	-8,7	0,533	0,403	10	12
Селенгинский р.	5,1	3,3	176	-36,4	0,374	0,392	15	13
Баргузинский р.	6,7	61,9	211	-22,4	0,344	0,377	16	14
Северо-Байкальский р.	2,9	17,1	163	-54,8	0,112	0,327	23	15
МО с относительно низким социально-культурным индексом								
Иволгинский р.	2,1	-19,2	154	-39,3	0,300	0,316	19	16
Тарбагатайский р.	6,4	-15,6	246	-31,1	0,375	0,277	14	17
Улан-Удэ	4,2	-4,5	225	-23,6	0,320	0,231	17	18
Северобайкальск	2,7	17,2	204	-14,6	0,305	0,214	18	19
Заиграевский р.	4,4	3,2	243	-31,0	0,216	0,194	20	20
Еравнинский р.	6,4	5,2	280	18,8	0,498	0,187	12	21
Кабанский р.	2,4	1,9	229	-23,5	0,206	0,138	21	22
Прибайкальский р.	4,1	-15,8	268	-36,6	0,129	0,119	22	23

За пять лет межмуниципальная дифференциация по обеспеченности библиотечного фонда увеличилась с 5,4 до 6,3 раза.

В то же время группа лидеров и аутсайдеров практически неизменна. Динамика рангов территорий по индексу культуры незначительна.

Социальное поведение на муниципальном уровне анализировалось на основе показателя числа зарегистрированных преступлений на 10 тыс. жителей, свидетельствующего о безопасности существования на территории МО.

Следует отметить положительную динамику снижения количества преступлений как в абсолютном, так и относительном выражении, за исключением Еравнинского района. При этом разница между наиболее и наименее благополучными по этому критерию МО осталась на прежнем уровне – 3,5 раза. Максимальное снижение преступности произошло в Северо-Байкальском и Бичурском районах.

Относительно низкий уровень преступности стабильно наблюдается в 11 МО, лидерство прочно удерживают за собой Окинский, Закаменский и Курумканский районы, неизменны позиции в группе Кижингинского и Иволгинского районов. Группу со средним уровнем преступности в 2020 г. составили 5 МО, ранее относившихся к благополучным (Мухоршибирский, Хоринский, Тункинский, Баунтовский и г. Северобайкальск). Наиболее криминогенная ситуация в течение ряда лет сохраняется в 5 МО (г. Улан-Удэ, Кабанский, Заиграевский, Тарбагатайский и Прибайкальский районы), к которым в 2020 г. присоединились Баргузинский и Еравнинский районы, в совокупности составившие группу с высоким уровнем преступности.

Необходимо отметить остроту проблемы преступности в республике, поскольку ее позиция стабильно одна из самых высоких в РФ (8-е место по уровню преступности и 6-е – по уровню убийств)¹⁶. В 2020 г. только показатель Окинского района оказался ниже среднероссийского (140), а разница с наиболее проблемным Еравнинским районом составила два раза, что свидетельствует о высоких криминальных рисках для жителей практически всех населенных пунктов республики, их неуверенности в защите от преступных посягательств. Кроме того, следует иметь в виду значительную латентную

---

¹⁶ Преступность в России: итоги за 10 лет [Эл. ресурс]. URL: <https://newizv.ru/article/tilda/02-04-2021/10-let-borby-s-prestupnostyu-v-rossii-itogi-i-vyvody> (дата обращения: 19.04.2022).

преступность, что является следствием низкого уровня доверия полиции и недостаточной правовой грамотности у потерпевших.

Данные по показателям *общественно-политической активности* на субрегиональном уровне отсутствуют.

За исследуемый период *социально-культурный индекс* снизился в 16 МО на фоне незначительных изменений их рангов в республиканском рейтинге. Исключение составили Северо-Байкальский (+8 позиций) и Еравнинский районы (–9 позиций, главным образом за счет роста уровня преступности). Территориальные различия по данному показателю незначительно сократились – с 8,8 до 8 раз.

Состав группы из 11 МО с относительно высоким социально-культурным индексом практически неизменен, кроме Муйского района, ранее входившего в среднюю группу. Лидерские позиции в ней сохраняют Окинский и Кижингинский районы. Группа со средним индексом полностью обновилась, за счет перехода в нее Мухоршибирского района из лидерской группы и трех МО из группы с относительно низким статусом (последняя за счет этого сократилась до 8 МО). Наименее благоприятная ситуация много лет сохраняется в Кабанском и Прибайкальском районах.

Человеческий потенциал муниципальных образований

За исследуемый период произошло незначительное развитие человеческого потенциала Республики Бурятия (+3,5%), что обуславливает сохранение ее территориальной неоднородности. Межмуниципальная дифференциация также почти не изменилась (2,1 раза в 2015 г., 2,1 – в 2020 г.). Тем не менее по всем компонентам, кроме образования, произошло сглаживание территориальной асимметрии, особо заметное по индексу здоровья (с 4,8 до 2,5 раза).

Сохранение полярности муниципалитетов определило их разделение на две равные группы с относительно высоким и низким индексом человеческого потенциала (выше и ниже среднереспубликанского). Группа с относительно высоким уровнем потенциала за пять лет расширилась с 8 до 11 МО. В то же время следует отметить утрату Окинским районом значительного отрыва от других территорий. Группа с относительно низким уровнем человеческого потенциала увеличилась на 1 МО. Средний уровень потенциала в 2020 г. отмечен только

в Бичурском районе, тогда как в 2015 г. компанию ему составляли еще 3 муниципалитета (табл. 7). Лидеры (Окинский, Муйский, Северо-Байкальский районы и г. Улан-Удэ) и аутсайдеры (Баргузинский, Еравнинский и Кабанский районы) сохранились.

Таблица 7. Распределение МО Республики Бурятия по интегральному ИЧП, его рангам и составляющим в 2015, 2020 гг.

Ранг		Муниципальное образование	ИЧП	Темп прироста 2015–2020 гг.	Структура ЧП, %				
2020	2015				ДС*	З	О	Б	СК
2020	2015	РБ	0,441	3,5	15	27	29	14	14
МО с относительно высоким уровнем ЧП									
1	1	Окинский р.	0,632	-12,2	12	22	18	18	30
2	2	Муйский р.	0,577	5,0	8	14	26	35	16
3	4	Северо-Байкальский р.	0,541	12,9	0	35	21	32	12
4	3	Улан-Удэ	0,514	0,5	11	21	36	23	9
5	9	Иволгинский р.	0,512	30,2	39	31	17	0	12
6	8	Закаменский р.	0,494	13,8	6	27	27	12	28
7	7	Северобайкальск	0,493	13,6	17	26	31	17	9
8	14	Тункинский р.	0,469	25,4	18	26	28	5	23
9	17	Кижингинский р.	0,469	26,4	6	29	27	5	32
10	5	Баунтовский эвенкийский р.	0,462	3,1	5	16	25	26	29
11	10	Курумканский р.	0,452	18,4	12	33	17	7	31
МО со средним уровнем ЧП									
12	22	Бичурский р.	0,416	33,5	9	41	14	6	30
МО с относительно низким уровнем ЧП									
13	19	Селенгинский р.	0,405	16,8	14	30	28	8	19
14	13	Кяхтинский р.	0,392	4,8	19	27	22	5	27
15	6	Тарбагатайский р.	0,389	-11,3	45	32	6	3	14
16	18	Джидинский р.	0,381	9,2	5	31	26	4	34
17	15	Мухоршибирс. р.	0,378	1,9	12	26	24	17	21
18	11	Хоринский р.	0,351	-7,6	10	27	21	7	34
19	16	Заиграевский р.	0,338	-8,9	22	36	23	7	11
20	12	Прибайкальский р.	0,330	-12,9	15	39	30	9	7
21	21	Баргузинский р.	0,316	-5,8	13	42	7	14	24
22	23	Еравнинский р.	0,316	2,2	13	46	23	6	12
23	20	Кабанский р.	0,303	-12,4	18	29	30	14	9

Примечание. * ДС – демографическая составляющая; З – здоровье; О – образование; Б – благосостояние; СК – социально-культурная составляющая.

Структурный анализ человеческого потенциала Республики Бурятия выявил разнонаправленные тенденции. Положительная динамика наблюдается лишь у отдельных компонент. Темп прироста по здоровью составил 26,8%, по образованию – 20,3%. Наибольшее сокращение произошло по социально-культурной составляющей (–17,3%). Отрицательная динамика компонент воспроизводства и благосостояния населения не столь значительна (–5,2% и –7,1% соответственно). В соответствии с этим изменилась структура человеческого потенциала, характеризующаяся увеличением доли компонент здоровья и образования за счет доли остальных составляющих.

На уровне муниципалитетов также происходят разнонаправленные процессы. Так, в 7 МО в результате отрицательной динамики большинства компонент зафиксировано снижение человеческого потенциала. В основном это районы из группы аутсайдеров, кроме Окинского. Главным образом сказалось негативное влияние снижения индекса благосостояния.

В развивающихся муниципалитетах темпы прироста варьируют от 0,5 до 33,5%. При этом некоторые компоненты показывают отрицательную динамику (исключение – Бичурский и Иволгинский районы, которые в результате показали наибольшие в республике темпы прироста человеческого потенциала). Чаще всего происходило снижение социально-культурной составляющей.

Разнонаправленная динамика компонент обусловила значительный дисбаланс развития показателя и территориальные отличия в соотношении компонент. По выраженности веса тех или иных компонент можно выделить четыре типа МО.

I тип образуют лидеры по развитию человеческого потенциала. Помимо столицы региона сюда относятся северные районы (Муйский, Северо-Байкальский и Баунтовский). Высокие показатели и положительная динамика обусловлены наиболее высоким для республики уровнем дохода в сочетании с показателями здоровья либо образования, либо социально-культурной составляющей. Приоритетным направлением субрегиональной политики здесь является регулирование проблем воспроизводства населения. Средний индекс – 0,524.

Ко *II типу* со средним интегральным индексом (0,451) относятся два прилегающих к столице района с интенсивным приростом населения и относительно высоким индексом здоровья

на фоне существенного отставания остальных компонент, что определяет приоритетность соответствующих сфер при корректировке социальной политики.

III и IV типы включают большинство муниципалитетов, для которых характерно преобладание компоненты здоровья в сочетании с социально-культурной составляющей либо образованием. **III тип** представляют районы преимущественно сельскохозяйственной специализации с низкой долей промышленности (Окинский, Закаменский, Кижингинский, Курмканский, Бичурский, Кяхтинский, Джидинский, Хоринский, Баргузинский районы). Наиболее проблемными, требующими приоритетного внимания, являются вопросы демографического развития и благосостояния населения. Средний индекс – 0,434.

IV тип включает аграрные районы с крупными промышленными предприятиями, в том числе г. Северобайкальск Тункинский, Селенгинский, Мухоршибирский, Заиграевский, Прибайкальский, Еравнинский, Кабанский районы. Отставание компоненты благосостояния и социально-культурной составляющей определяет первоочередность этих сфер в корректировке социальной политики. Средний индекс – 0,379.

Заключение

Невысокий индекс человеческого потенциала, его незначительное развитие у большей части и регресс у трети муниципалитетов Бурятии за исследуемый период указывают на низкую эффективность социальной политики на субрегиональном уровне. Главными факторами сдерживания (и даже некоторого улучшения) ситуации являются показатели здоровья и образования населения.

Несмотря на реализацию проектов, направленных на улучшение качества объектов социальной инфраструктуры по программе «дальневосточной субсидии», проблемы разбалансированности компонент человеческого потенциала и асимметричности развития муниципалитетов сохраняют свою остроту. Самыми актуальными в большинстве территорий остаются вопросы благосостояния и демографического развития, заключающиеся в снижении естественного прироста и сохранении миграционного оттока населения.

Улучшение состояния здоровья особенно важно для жителей отдаленных северных районов с суровыми природно-климатическими условиями. Почти все районы отстают по уровню образования от среднереспубликанского. Высокая криминогенная обстановка характерна для всех территорий, кроме Окинского района.

Соответственно качественные характеристики человеческого капитала практически не улучшаются и не могут отвечать в полной мере задачам модернизации экономики, для которой характерно отсутствие реальных точек роста. Необходимо развитие, а на отдельных территориях создание новой инфраструктуры всех видов – дорожной, инженерной, коммунальной, образовательной, объектов сети здравоохранения, культуры и досуга. Серьезного внимания требуют вопросы обеспечения безопасности жизнедеятельности и снижения преступности, что тесно связано с рядом факторов, в том числе созданием новых рабочих мест с достойной заработной платой, расширением зоны «социальных лифтов» и предоставлением молодежи возможностей для получения качественного образования.

Одной из точек роста республики как региона с экологическими ограничениями может стать реализация видов экономической деятельности, способствующих развитию человеческого потенциала. К ним можно отнести акваэкономику, производство экологически чистого продовольствия, здравоохранение, рекреацию, образование, в том числе экологическое, и др. [Атанов, Янтранов, 2015].

Литература

Абрамян С. И., Федотов А. А. Интегральный индекс человеческого потенциала: региональный анализ // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 63–69. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.411

Атанов Н. И., Янтранов А. Е. Потенциал «зеленого развития» Республики Бурятия // ЭКО. 2015. № 11. С. 111–115.

Бреславский А. С. Улан-Удэ: масштабы, источники, сегменты и последствия пригородного роста // Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 148–159.

Бюраева Ю. Г. Какая связь между демографическим потенциалом и экономическим развитием Республики Бурятия? // ЭКО. 2019. № 6. С. 124–144. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-124-144

Бюраева Ю. Г. Миграционные процессы в Республике Бурятия: направления, результативность, факторы // ЭКО. 2022. № 1. С. 141–166. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-1-141-166

Валеева О. В. Методика расчета индекса развития человеческого потенциала в муниципальных образованиях (на примере Забайкальского края и Республики Бурятия) // Вестник ЗабГУ. 2016. Т. 22. № 7. С. 91–99.

Мигранова Л. А., Токсанбаева М. С. Человеческий потенциал российских регионов: уровень и динамика развития (часть первая) // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2. С. 47–59. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10014

Римашевская Н. М., Бочкарева В. К., Мигранова Л. А., Молчанова Е. В., Токсанбаева М. С. Человеческий потенциал российских регионов // Народонаселение. 2013. № 3. С. 82–141.

Рюмина Е. В. Экологически скорректированный индекс человеческого развития // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 1. С. 4–12. DOI: 10.19181/population.2020.23.1

Соболева И. В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007. 202 с.

Ушакова Т. Н., Зыкова Н. В., Иконникова О. В. Мониторинг развития человеческого потенциала в муниципальных образованиях (на примере Архангельской области) // Проблемы современной экономики. 2018. № 4 (68). С. 175–178.

Статья поступила 06.05.2022

Статья принята к публикации 08.08.2022

Для цитирования: *Бюраева Ю. Г.* Человеческий потенциал населения Республики Бурятия: уровень и динамика развития в муниципальном разрезе // ЭКО. 2022. № 11. С. 40–66. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-11-40-66

Summary

Byuraeva, Yu. G., *Doct. Sci. (Sociology).* E-mail: julbur@yandex.ru

Department of Regional Economic Research Buryat Scientific Center SB RAS, Ulan-Ude

Human Potential of the Population of the Republic of Buryatia: the Level and Dynamics of Development in the Municipal Sector

Abstract. The paper is devoted to the study of the dynamics of human potential of the Republic of Buryatia in the context of municipalities. It includes the components of health, education, well-being, as well as demographic and socio-cultural. The data from 2015 to 2020 were assessed by the index method using alternative indicators. It is based on the typologization of municipalities by the level of human development and the ratio of its components, determining the factors affecting their development. The author reveals trends towards the preservation of territorial heterogeneity of human potential and the increase in the importance of health and education components at the expense of reducing the weight of other components.

Keywords: *human potential; normalized indices; health; education; demographic component; welfare; socio-cultural activity; municipal formation; Republic of Buryatia*

References

Abramyan, S.I., Fedotov A. A. (2021). Integral human potential index: regional analysis. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Business. Education. Right*. No 4 (57). Pp. 63–69. (In Russ.). DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.411

Atanov, N.I., Yantranov, A.E. (2015). E. The potential of “green development” of the Republic of Buryatia. *ECO*. No. 11. Pp. 111–115. (In Russ.).

Breslavsky, A.S. (2017). *Ulan-Ude: scale, sources, segments and consequences of suburban growth*. In: What do we know about contemporary Russian suburbs? Ulan-Ude, Publishing house of BSC SB RAS. Pp. 26–36. (In Russ.).

Byuraeva, Yu.G. (2019). What is the relationship between the demographic potential and the economic development in the Republic of Buryatia? *ECO*. No. 6. Pp. 124–144. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-124-144

Byuraeva, Yu.G. (2022). Migration Processes in the Republic of Buryatia: Directions, Performance, Factors. *ECO*. No. 1. Pp. 141-166. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-141-166

Migranova, L.A., Toksanbaeva, M.S. (2018). Human potential of the population of Russian regions: the level and dynamics of development (part one). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. No. 2. Pp. 47–59. (In Russ.). DOI: 10.24411/1999–9836–2018–10014

Rimashevskaya, N.M., Bochkareva, V.K., Migranova, L.A., Molchanova, E.V., Toksanbaeva, M.S. (2013). Human potential of Russian regions. *Narodonaselenie*. Publ. No. 3. Pp. 82–141. (In Russ.).

Ryumina, E.V. (2020). Ecologically adjusted human development index. *Narodonaselenie*. Vol. 23. No. 1. Pp. 4–12. (In Russ.). DOI: 10.19181/population.2020.23.1.1

Soboleva, I.V. (2007). Human potential of Russian economy: problems of preservation and development. Moscow, Nauka. 202 p. (In Russ.).

Ushakova, T.N., Zykova, N.V., Ikonnikova, O.V. (2018). Monitoring of human potential development in municipal units (case of Archangelsk region). *Problems of modern economics*. No. 4 (68). Pp. 175–178. (In Russ.).

Valeeva, O.V. (2016). Calculation method of human development index in the municipalities (on the example of the Transbaikal territory and the Republic of Buryatia). *Bulletin of ZabG*. Vol. 22. No. 7. Pp. 91–99. (In Russ.).

For citation: Byuraeva, Yu.G. (2022). Human Potential of the Population of the Republic of Buryatia: the Level and Dynamics of Development in the Municipal Sector. *ECO*. No. 11. Pp. 40–66. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-11-40-66